

«Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма

Балеевских О. Ю.

Структура национальной идентичности определяется такими подсистемами, как картина пространственно-временного континуума, образ «Мы», представление об отношениях с другими. Но важно не только содержание структуры национальной идентичности, но и форма, в которую эти представления, чувства и волевые импульсы облекаются.

Подобно содержательным, формальные компоненты выполняют важнейшую функцию в бытии национальной идентичности, позволяя личности идентифицировать себя с общностью, а самой нации отличать себя от других, проводя границу между «Мы» и «Они». Все компоненты национальной идентичности имеют свою символическую составляющую, создавая своеобразный феномен символической интерсубъективности.

Роль семиосферы в национальной идентичности велика. Говоря об интегративной функции социального символа, А. Коэн отмечает: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности к общему полю символов. Восприятие и понимание людьми их сообщества сводится к ориентации по отношению к этому символизму» [Цит. по: *Степнова Л. А. Социальная символика России // Социс. 1998. № 7. С. 94*]. Наличие символики, предоставляющей универсальные средства коммуникации, создает возможность образования общности. Символ - это оболочка, в которую «упаковывается» «своя» информация: в таком виде она узнаваема и отличима от «чужой». Таким образом, формирование социальной структуры сопровождается активным производством символов. Достижение состояния национальной идентичности как психологического единства и ощущения личной сопричастности нации возможно лишь в едином символическом пространстве социума.

Л.А. Степнова подчеркивает иррациональную составляющую символической экспоненты национальной идентичности. По ее мнению, этим во многом объясняется свойство символа не только содержать в себе информацию об историческом герое, событии, но и эмоционально воздействовать на чувства людей. Символ как объективированная идея изначально включает в себе динамику социального действия, обеспечивая мотивацию совместных действий. Например, такой символический образ, как «Родина-Мать», является, по оценке исследовательницы, непосредственным катализатором социального поведения людей различных наций [Там же. С. 92—93]. Подробнее проанализируем данный образ.

«Родина-Мать» - одна из тех метафор и символов формального компонента национальной идентичности, который связан с гендерными представлениями. На формальном уровне многие концепты национального дискурса соотнесены с социокультурным полом: идеи территории, национального сообщества, государства, подданных облекаются в образы

«матери», «сыновей», «братьев» и т. д. Обратим внимание на мысль Н.А. Бердяева, объясняющего природу национального чувства такими словами: «К национальности существует прежде всего эротическое отношение, эротическое избрание. Свой народ, своя земля милы нам, как лицо любимой женщины» [Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире: К миропониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 348]. Показателен и сам термин, используемый для характеристики отношения человека к своей стране, своей нации — «любовь» (а не только лояльность). Патриоты представлены в национальном дискурсе не просто как компаньоны, заключающие некий контракт, но как родственники, защищающие одну Родину-Мать, имеющие общих предков и общую кровь^{*}; с этим связан и особый потенциал национального чувства. Как заметил по этому поводу Б. Андерсон, человек не станет жертвовать жизнью во имя Лейбористской партии или медицинского сообщества, к которым он принадлежит наряду с нацией, - но за нацию он готов умирать [Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. С. 43].

Сама идея национальной общности - в отличие от профессиональной, политической, конфессиональной - выражает отношения родства. Это связано с тем, что всякая нация репрезентирует себя как этническую общность (если не на уровне политической доктрины, то на уровне символическом, эмоциональном, иррациональном). Этнический компонент национальной идентичности обуславливает восприятие нации в образе семьи как некой формы взаимодействия мужского и женского начал. Поэтому в репрезентации нации представлены такие атрибуты института семьи, как экономическая общность, разделение труда по половозрастному принципу, обеспечение защиты и питания, рождение и воспитание потомства. Аналогия с семьей - это тот элемент национального дискурса, который во многом определяет ценностную систему национальной идеологии, ее концепты и символы. Возрождение и вечность, верность и измена, сыновний долг и «любовь к отеческим гробам» - без данных понятий, отсылающих к гендерным стереотипам, национальная мифология утрачивает свою значительность.

Отношение к родителям становится матрицей отношения индивида к своей нации - то есть самого способа соотнесения себя с общностью, динамического компонента идентичности. Восприятие нации, своей страны как Родины-Матери обуславливает тот эмоциональный накал, с которым сопряжено национальное чувство.

---

^{*} По мнению М. Бэринга, русские ощущают себя не просто соотечественниками, но родственниками, одной большой семьей. Это хорошо заметно по этикетным формам обращений - «батюшка», «отец» и т. д. [Цит. по: Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. С. 72].

Поэтому исследование национальной идентичности предполагает анализ материнского и отцовского архетипов. Э. Фромм, которому принадлежит один из наиболее известных вариантов философского осмысления специфики двух видов родительской любви, подчеркивал потребность человека в их гармонии, равновесии. «Самое глубокое желание человека, по-видимому, - добиться такого синтеза, в котором два эти полюса (материнство и отцовство, женское и мужское начала, милосердие и справедливость, чувство и разум, природа и интеллект) не только утратили бы взаимный антагонизм, но и дополняли бы и оттеняли бы друг друга» [Фромм Э. *Иметь или быть*. М., 1990. С. 151]. По мнению философа, «... материнская любовь безусловна по самой своей природе. Мать любит своего новорожденного младенца потому, что это ее дитя, а не потому, что ребенок выполняет какие-то ее условия или оправдывает какие-то ее надежды». «Меня любят потому, что я есть». Любовь отца - это любовь на определенных условиях. Ее принцип: «Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды» [Фромм Э. *Искусство любить // Фромм Э. Душа человека*. М., 1992. С. 130—131]. Материнскую любовь нельзя заслужить хорошим поведением, но нельзя и потерять, согрешив. Любовь отца можно потерять, но можно вновь заслужить раскаянием и смирением. В работе «*Иметь или быть?*» мыслитель определяет эти два вида отношений как соответственно любовь-милосердие и любовь-справедливость. Отцовская условная любовь справедлива, хотя и не всегда милосердна; материнская безусловная - милосердна, хотя и не всегда справедлива.

Образец гармоничных отношений социальной группы и индивида Э. Фромм усматривает в Римско-католической Церкви: Богоматерь, вселюбящая Мать-Церковь, священнослужители как материнские образы дополнялись отцовскими элементами строгой патриархальной бюрократии, во главе которой стоял Папа Римский [Фромм Э. *Иметь или быть*. М., 1990. С. 150—151]. Очевидно, эти идеи Э. Фромма применимы и к характеристике отношений личности и нации.

Идея комплементарности различных и взаимодополняющих образов отца и матери в национальной идентичности находит свое выражение в дистинкции «Родина — Отечество». Эта оппозиция становится предметом осмысления на страницах сочинений русских философов.

Обратимся к текстам Г.П. Федотова. В его трудах проводится мысль о том, что взаимодействие мужского, отцовского, и женского, материнского, лежит в основании бытия каждой нации. Какие же стороны национального бытия мыслитель относит к отцовскому, а какие к материнскому началам? Г. П. Федотов пишет: «Родина, материнство связаны с языком, с песней и сказкой, с народностью и неопределимой, но могущественной жизнью бессознательного. Отечество, отцовство - с долгом и правом, с социально-государственной, сознательной жизнью» [Федотов Г.П. *Сумерки отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: (Избр. ст. по философии русской истории и культуры)*. В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 324]. Мать и отец вводят ребенка в сферу национальной культуры; при этом от матери ребенок слышит первые слова на

родном, «материнском», языке, народные песни и сказки, первые уроки религии и жизненного поведения. Отец вводит отрока в хозяйственный и политический мир: делает его работником, гражданином, воином. Разделение между рациональным и иррациональным содержанием культуры до известной степени совпадает с различием материнского и отцовского в родовой и национальной жизни, отмечает мыслитель. Не совершая насилия над русским языком, пишет Г. П. Федотов, легко убедиться, что отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать - с матерью-землей» [Федотов Г. П. Новое отечество // Там же. Т. 2. С. 25].

Рассмотрим историю развития российского образа «Родины-Матери».

Начало истории данного образа следует отнести к образу Матери-сырой земли. Материнская фигура является аллегорией земли в мифологических представлениях многих народов. Мать-сыра земля - это русский вариант Великой Богини-матери. Другой модус «Матушки-Руси» - это образ Русской земли, который проходит через всю историю древнерусской литературы. В книжной традиции Русская земля представлена как живое существо, испытывающее человеческие чувства и являющееся субъектом своих поступков. Она описывается средневековыми авторами в женском - чаще всего материнском - облике. Женственный лик Руси - это природа: земля в природном аспекте сливается с землей-Родиной.

Еще один символ «Русской земли» - православная вера и такие ее атрибуты, как святые иконы, церкви, монастыри. Образ Православной Церкви как «Невесты Христовой», практика «печалования», заступничества ее перед царем за свою паству содействовали тому, что она воспринималась в женском облике, как мать всех православных и одновременно аллегория Руси.

Другой женственный лик Руси - это Богоматерь. При этом Русская земля, Церковь и Богоматерь сливаются в сознании русского человека в единый материнский образ.

Таким образом, анализ древнерусских текстов [См.: Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии.. М., 2001. С. 101-104] позволяет выделить основные черты образа Русской земли, включающего в себя два ряда характеристик. Во-первых, это качества, соотносимые с языческим представлением о материнском начале: плодородие, неиссякаемая сила, забота, защита. Во-вторых, это ряд свойств, восходящих к общехристианской парадигме материнства, воплощенной в образе Девы Марии: терпение, страдание, жертвенная любовь. Первый ряд характеристик, которые являются основными чертами материнского архетипа, связан с культом Матери-земли и олицетворяет вечность, устойчивость этнической общности. Земля – это и рождающее начало, и земля-кормилица.

Другой же ряд характеристик, атрибутируемых Русской земле, - уязвимость, страдание, сострадание, эмоциональность, терпение - формировался под влиянием образа Богородицы. Плачи, сопровождающие повествования о страницах военной истории страны, выразительно

показывают, как Русская земля по-матерински скорбит по своим сыновьям - погибшим воинам.

Обратим внимание на контекст образа страдающей Матери-Родины. Он становится востребованным авторами тогда, когда необходимо объяснить силу патриотического порыва ее защитников во времена оборонительных или освободительных войн. Такой «призыв о помощи» является одним из действенных механизмов мобилизации на борьбу за само существование этнической общности. Со знаменитого «Не посралим земли Русской!» стремление защитить честь Родины играло важнейшую роль в мотивации героических деяний русских воинов.

Очевидно, мобилизационный механизм, характеризующий динамический компонент идентичности, заставляет человека избрать определенную модель идентификации: в данном случае он должен быть не просто лояльным подданным, но преданным и любящим сыном. Патриотический долг, то есть некий комплекс обязанностей перед государством, предполагающих определенную линию поведения, обосновывается при помощи аналогии между нацией и родной матерью; сыновний долг и сыновняя неблагодарность — на таком контрасте строится патриотическая пропаганда, являющаяся, вероятно, необходимым условием выживания каждой нации.

Аналогичные черты обнаруживало патриотическое воспитание в Советском Союзе, где также активно использовалась идея сыновнего долга перед Родиной; любопытно, что чертами несколько суровой, но заботливой матери наделялась и КПСС. Например, строки из стихотворения П. Кудрявцева: «Тянемся так же, как дети, и мы / К Партии-матери, встав к ней под знамя» [Там же. С. 105].

Об универсальности подобных мобилизационных механизмов косвенно свидетельствует тот факт, что в годы Первой мировой войны все воюющие державы использовали практику репрезентации своей страны в виде женщины-матери. При этом женская аллегория Родины могла олицетворять и жизненную силу нации, ее неизбежную победу над врагом, и смертельную опасность, нависшую над страной, что требовало соответствующего поведения ее «сынов».

Возвращение материнской символики в 30-е годы в СССР было обусловлено в том числе и необходимостью укрепления патриотических чувств в преддверии неизбежной войны: «Но сурово брови мы насупим, / Если враг захочет нас сломать. / Как невесту Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать». Одним из наиболее известных символов Великой Отечественной стал плакат И. М. Тоидзе «Родина-Мать зовет!». Его мобилизующая мощь свидетельствует о потенциале идеи сыновнего долга перед Родиной.

Подводя итог, отметим, что поскольку неотъемлемым элементом национального дискурса является проведение аналогии между нацией и семьей как определенной формой взаимодействия мужского и женского начал, то первостепенную важность приобретает содержание мужских и женских образов. В России женщина воспринимается прежде всего как мать. А

материнское начало характеризуется, с одной стороны, плодородием, неиссякаемой силой, заботой, защитой, с другой - терпением, страданием, жертвенной любовью. Следовательно, материнские вскармливание, забота, защита — это постоянные черты образа страны в отечественной культуре. Образ же терпящей страдания России-Матери становится востребованным в тяжелые для страны времена, в условиях этнонациональной мобилизации.